

— Разве Хоуе не обещал прислать вещи в усадьбу? — спросил Чу Чжаохуай. — Почему же теперь он передумал и требует моего личного присутствия для их осмотра?

Посланник, заметив, что юноша вовсе не потерял голову от одного упоминания о «наследии матери», как на то рассчитывал Чу Цзин, с почтением извлек из рукава свиток и протянул его:

— Вот список вещей госпожи Бай. Хоуе сказал, что Да-гунцзы стоит лишь взглянуть на него, и все сомнения отпадут.

Чу Чжаохуай принял бумагу и бегло просмотрел содержимое.

Приданое семьи Бай уже давно перешло в его руки. Оставшиеся же пожитки матери представляли собой в основном медицинские трактаты да редкие травы. По-настоящему ценных предметов среди них было раз-два и обчелся — при желании такие можно было раздобыть, лишь изрядно потратившись.

Однако несколько строк в самом конце списка заставили его насторожиться.

— Что это за «собрание рукописей»? — указал он на строчку.

— Хоуе велел передать, — отозвался слуга, — что при жизни госпожа Бай разработала немало рецептов для лечения вашего сердечного недуга. Все они собраны в этих тетрадах.

Чу Чжаохуай замер, непроизвольно поджав губы. Никто и никогда не проявлял о нем заботы, и теперь эта любовь матери, дошедшая до него спустя тринадцать лет после ее смерти, обрушилась на него внезапно, заставив почувствовать себя неловко.

Он задумчиво вертел список в руках, стараясь унять подступивший к горлу комок, и еще раз внимательно перечитал текст. Среди длинного перечня трав, затерявшись в скучных названиях, значилось то, на что обычный человек и внимания бы не обратил.

Чжэньши.

Должно быть, Чу Цзин и сам не ведал об истинном назначении этой вещи, иначе ни за что не включил бы ее в список.

В древних медицинских трактатах говорилось, что яд, скопившийся в теле Ци Сюня из-за приема гремучей смеси снадобий, можно нейтрализовать лишь методом «лечения подобного подобным». И ядовитый камень чжэньши подходил для этого как нельзя лучше. Чжаохуай ломал голову, где раздобыть этот редкий компонент, и вот он сам шел к нему в руки.

Юноша свернул список и посмотрел в окно. Северный ветер выл за стенами — похоже, снова собирался снег.

— Возвращайся и передай Хоуе: завтра на рассвете я прибуду в усадьбу вместе с Ванье.

Слуга склонил голову, скрывая выражение лица:

— Хоуе приказал привезти Да-гунцзы сегодня. Экипаж уже давно ждет у ворот.

Чу Чжаохуай слегка нахмурился.

— В столице сейчас сухо и ветрено, — вкрадчиво добавил посланник. — Хоуе опасается, как бы при случайном пожаре реликвии не обратились в пепел. Будет лучше, если Да-гунцзы поспешит.

Рука Чжаохуая с чашей замерла. Взгляд его на мгновение стал ледяным.

— Второй молодой господин уже дома? — сухо спросил он спустя долгую паузу.

— Да, он вернулся, — невозмутимо подтвердил слуга.

Взвесив всё еще раз, Да-гунцзы поднялся и поправил полы подбитого мехом плаща.

— Чжао Бо.

Дворецкий тотчас вошел в комнату:

— Слушаю вас, Ванфэй.

— Мне нужно срочно отлучиться в усадьбу маркиза, — произнес Чжаохуай. — Если Ванье вернется раньше меня, будьте добры, сообщите ему об этом.

— Слушаюсь, — кивнул старик.

Лицо посланника на миг исказилось от едва заметного беспокойства.

«В столице слишком много интриг, — размышлял Чжаохуай, покидая дом. — Нужно поскорее заканчивать дела и возвращаться в Линьянь, к своим цветам и лекарствам»

Он последовал за слугой, сел в карету, и экипаж тронулся.

Снаружи бушевал северный ветер, бесцеремонно задирая занавеску кареты. Чжаохуай невольно поежился — в усадьбе Хоуе явно не привыкли тратить на комфорт, даже жаровни с углем внутри не нашлось.

Внезапно он поймал себя на этой мысли и нахмурился. Всего несколько дней в доме князя — и он уже начал привыкать к роскоши.

«К хорошему привыкаешь быстро, — одернул он себя. — Определенно, пора уезжать»

Юноша коснулся пальцами спрятанных в рукаве мешочков с порошками и тихо выдохнул. Обычно он носил с собой три вида средств: ядовитый порошок, смесь для отпугивания зверей и лекарство от сердечного недуга. В Цзяннани эти скромные запасы не раз спасали ему жизнь, когда приходилось спасаться бегством от преследователей.

Оставалось лишь надеяться, что на сей раз до крайностей не дойдет.

Пока он предавался раздумьям, снаружи раздалось резкое «тпру!», и лошадь, коротко заржав, замедлила ход. Чжаохуай насторожился и отодвинул занавеску.

Вокруг тянулся унылый пустой переулок. До усадьбы Чжэньюань-хоу было еще далеко.

Сердце пропустило удар. Когда до ушей донесся звук быстрых шагов по подножке, Да-гунцзы в мгновение ока подобрался, крепко сжав в кулаке мешочек с ядом.

В следующую секунду полог откинулся, и кто-то ворвался внутрь. Чжаохуай, не раздумывая ни мгновения, резко взмахнул рукой, выбрасывая облако пыли.

— Осторожно, у него яд! — выкрикнул кто-то снаружи.

Нападавший был готов. Широкий плащ взметнулся в воздухе, принимая на себя удар, а сам мужчина в один прыжок оказался перед Чу Чжаохуаем. В тесном пространстве кареты его присутствие казалось подавляющим, он словно заполнил собой всё вокруг.

Юноша, ощущая, как бешено колотится сердце, снова замахнулся, но незнакомец в черном, явно опытный воин, перехватил его руку и с силой вывернул запястье.

Вспышка боли ослепила Чжаохуая, на лбу выступил холодный пот.

— Кто вы такие?! Я... я ведь... — выдохнул он, пытаясь высвободиться.

Но мужчина, не обращая внимания на его слова, рванул его на себя, словно безжизненную куклу. Огромная ладонь, сжимающая влажную ткань, пропитанную дурманом, накрыла лицо юноши.

— Давненько не виделись, Бай-шэньи, — прошептал незнакомец с плотоядной усмешкой.

Зрачки Чжаохуая сузились от ужаса. Это были те самые люди, что преследовали его в Цзяннани!

Он отчаянно забился, пытаясь вырваться из мертвой хватки. В честном бою он не одолел бы и юного Цзи И, что уж говорить о рослом воине, искушенном в ратном деле. Дрожащие пальцы Да-гунцзы впились в край занавески, костяшки побелели от напряжения, но силы быстро покидали его.

Вскоре рука безвольно соскользнула вниз.

Заметив, что пленник затих, мужчина небрежно бросил его на сиденье и сорвал с его лица промокшую глазную повязку. Холодный ветер ворвался в карету, и зимнее солнце осветило лицо потерявшего сознание юноши.

Нападавший скомкал ткань и небрежно отшвырнул ее в сторону. Взглянув на свою добычу, он на миг замер в замешательстве. В голову закралась безумная мысль — не обознались ли они?

Неужели у такого человека, как Чу Цзин, мог родиться такой сын?

«Надо же, — усмехнулся он про себя, — в кои-то веки из кривого бамбука выросли приличные побеги»

— Ну что там? — раздался голос снаружи.

— Всё в порядке. Трюк с ядом — точь-в-точь как у того парня в Цзяннани. А личико — с родинкой на щеке, краше любой девицы. Немудрено, что этот бешеный пес Цзин-ван потерял от него голову, — мужчина коснулся подбородка Чжаохуая, поворачивая его голову из стороны в сторону. — Сомнений нет, это он. Выезжаем из города.

Кучер прикрикнул на лошадь, и экипаж медленно покатился прочь от столичных стен.

***

Тем временем за городской чертой, в императорских охотничьих угодьях, Цзин-ван, будучи тем еще калекой, все равно настоял на выезде на охоту, и размах мероприятия был поистине царским. Вот только за весь день в лесу не встретилось ни единого оленя.

Князь, чьи стрелы всегда били без промаха, выпустил лишь одну — и подстрелил несчастного зайца.

Инь Чжуншань вез кресло Цзи Сюня обратно к лагерю, украдкой поглядывая на своего господина. Вид у того был, прямо скажем, не из лучших. И понятно почему: вчера он во всеуслышание пообещал «привезти супругу оленя», а в итоге за весь день не увидел даже клочка оленьей шерсти. В таком положении кто угодно почувствовал бы себя уязвленным.

— Ванъе, возвращаемся в город? — осторожно спросил Инь Чжуншань.

Цзи Сюнь хранил молчание. Вид у него был в точности такой же, как пару дней назад, когда на рыбалке ему попадались лишь никчемные мальки.

— В такую метель оленя выследить непросто, — попытался утешить его военачальник. — Я немедленно отправлю людей в ведомство Гуанлусы, пусть выдадут нам живого оленя. Когда вернемся, скажем, что это ваша добыча. Ванфэй наверняка будет в восторге.

Цзи Сюнь: «...»

Князь одарил его таким ледяным взглядом, что у Чжуншаня мурашки пошли по коже. Он уже приготовился к очередной порции едких насмешек, но Цзи Сюнь лишь сухо бросил:

— Так чего же ты стоишь? Живо!

— Слушаюсь! — Инь Чжуншань вытянулся во фронт, изо всех сил сохраняя серьезное лицо.

В охотничьих лесах царил лютый холод. Даже Цзи Сюнь, обычно страдающий от жара, накинул на плечи легкий плащ. Снежный волк лениво растянулся у его ног, а в шатре теплилась небольшая жаровня — ровно столько, чтобы не дать человеку окончательно замерзнуть.

Полог шатра распахнулся, и внутрь, гремя нефритовыми подвесками, ворвался человек. По одному только этому шуму можно было безошибочно узнать Лу Уцзи.

Командующий отряхнул снег с плеч:

— Ох и ну! О чем это вы тут толковали, что Чжуншань так расплылся в улыбке?

Цзи Сюнь: «...»

— А тебе-то что здесь надобно? — осведомился он.

— Да всё из-за этих горных разбойников, — Лу Уцзи присел у жаровни, пытаюсь согреться. — Конец года на носу, столичная знать потянется в храм Хуго за жребиями да благословениями. Государь велел мне патрулировать дороги, чтобы, не ровен час, чего не вышло.

— Если бы жребии да молитвы впрямь имели силу, — бесстрастно отозвался Цзи Сюнь, — вся земля кипела бы самозваными императорами.

— Искренность творит чудеса, — отмахнулся Уцзи, зная, что Ванье ни в бога, ни в черта не верит. — Лучше скажи, когда думаешь выступить против бандитов? Если справишься, это зачтется как великое свершение. Глядишь, и жалованье твое вернут.

— Свершение? — хмыкнул Цзи Сюнь. — Какое еще свершение?

Лу Уцзи искренне удивился:

— Шутишь? Разбойничать под самым носом у императора — на такое немногие решались. Изничтожь их, и имя Цзин-вана прославится в веках.

— Лу-тунлин, — с вкрадчивой усмешкой произнес князь, — советую тебе держаться подальше от углей. Опасаюсь, как бы ведомству Гуанлусы на праздниках не хватило постных закусок, и тогда они придут умолять тебя поделиться содержимым твоей головы — там как раз на пару блюд из тофу наберется.

Лу Уцзи: «...»

От такой «любезности» он едва не покраснел, но, стараясь сохранить лицо, буркнул:

— Будьте добры, Ванье, просветите недостойного.

Цзи Сюню наскучило вести беседы с простаком. Он принялся лениво очищать апельсин, но, откусив кусочек, поморщился — вкус казался каким-то пресным. Он отложил плод в сторону.

— Ванье? — не унимался Уцзи. — Так в чем же дело?

Цзи Сюнь наконец соизволил ответить:

— Перед Новым годом Учан-ван тайно подсылал лекарей к Лян Фану. Стало известно, что наследника травят. Месяц назад две сотни отборных воинов затаились в лесу Нанься, выжидая удобного случая, чтобы вывезти мальчишку в его владения.

— Лес Нанься? — Лу Уцзи похолодел. — Но ведь именно там рыщут разбойники! Неужели

Учан-ван настолько обнаглел, что держит целую армию под видом бандитов? Даже за пределами столицы такое войско трудно скрыть.

Князь лишь вздохнул — глупость собеседника начинала его тяготить. К счастью, Лу Уцзи, хоть и был воякой до мозга костей, своим постом дорожил не зря.

— Нет, не так, — сообразил он. — В этом году учет в столице строгий. Учан-ван мог разместить людей в пригородах, но не стал бы так рисковать.

Действительно, две сотни человек, рассеянные по округе под видом охотников или крестьян, не бросались в глаза, но столичная стража не дремала, и любая оплошность могла обернуться бедой.

Должно быть, во дворце прознали о тайных передвижениях и решили чужими руками разворошить это осиное гнездо. Под предлогом «искоренения бандитизма» эту неблагодарную ношу хотели взвалить на плечи Цзи Сюня. Если бы тот преуспел, городская гвардия получила бы законное право обыскать все окрестности на десятки миль вокруг, якобы в поисках «ускользнувших преступников». И если бы обнаружили люди Учан-вана, участь Лян Фана была бы решена.

— Учан-ван больше жизни дорожит младшим сыном. Случись что с Лян Фаном, он не успокоится, пока не сравняет твой дом с землей, — рассуждал Лу Уцзи, и от этих мыслей у него разболелась голова. — Области Юаньчуань и Цзиньлин разделяет лишь горная гряда. Сцепиться с Учан-ваном сейчас — значит оказаться меж двух огней. Ванъе, ни в коем случае не берись за это дело!

Цзи Сюнь бесцельно поглаживал волка:

— Я ведь не идиот.

В этот момент в шатер вбежал гонец из охраны князя. Рухнув на колени, он кратко доложил:

— Ванъе! Сегодня по приказу Чжэньюань-хоу его люди везли Ванфэй в усадьбу. На полпути на экипаж напали. Нападавшие — обученные наемники, они явно ждали. Мы... мы не смогли их сдержать.

Лицо Цзи Сюня осталось бесстрастным.

— Куда они направились? — сухо спросил он.

— Судя по следам — в сторону леса Нанься.

Рука князя, ласкавшая волка, внезапно замерла.

<http://bllate.org/book/15341/1372784>